

Головащенко С. И.

**С. М. Сольский и А. А. Олесницкий
как исследователи Священного Писания**

(к вопросу о становлении проблемного
и методологического поля киевской
духовно-академической библеистики)¹

Опыт эмпирического исследования библиологического наследия представителей киевской духовно-академической традиции второй половины XIX — начала XX вв., воплощенный в ряде наших предыдущих работ, объективно ставит проблему теоретического постижения феномена «киевская духовно-академическая библеистика» в его целостности и исторической динамике². И тут появляется возможность выявлять и определять достаточно широкий набор аспектов-модусов означенной целостности. Например, исследовать идейно-концептуальную репрезентацию мировой библеистической (как богословско-экзегетической, так и рационалистически-критической) мысли в киевском духовно-академическом интеллектуальном и образовательном пространстве. Или: исследовать предметные поля и структурное своеобразие библиологической проблематики в КДА — вместе с мерой ее корреляции с европейским и мировым опытом. Или же изучать меру вовлеченности в мировую систему текстуальных ресурсов и меру причастности к профессиональным дискуссиям по тем или иным вопросам исагогики или библейской экзегетики как внутри страны (в системе православных духовных школ Российской империи), так и зарубежом³.

¹ Доклад на II Международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы» (18-19 октября 2010 года, Киевская духовная академия).

² См.: Головащенко С. И. Київська духовно-академічна традиція XIX — початку XX ст. в історії вітчизняного біблеїзнавства // Наукові записки НаУКМА. Т. 19. Філософія та релігієзнавство. К., 2001. С. 87-96.

³ См.: Головащенко С. И. Біблійна та біблеїстична книжність в Київській Академії кінця XVIII — початку XIX ст.: європейський контекст // Наукові записки НаУКМА. Т. 20. Філософія та релігієзнавство. К., 2002. С. 55-64; Его же. Європейська біблеїстика в Київській Академії: текстуальна репрезентація персоналії та традицій // Магістеріум. К., 2002. С. 22-34; Его же. Біблеїстична проблематика в Київській Духовній Академії у 1861-1914 рр. (за публікаціями в «Трудах КДА») // Наукові записки НаУКМА. Т. 35. Київська Академія. К., 2004. С. 51-60.

Наряду с этим, одной из базовых проблем постижения этой целостности является ответ на вопрос о самой возможности описывать киевскую духовно-академическую библеистику в терминах «традиции», «школы», утверждая определенную преемственность проблемного и методологического пространства в исследовании здесь Священного Писания. Одновременно мы должны учесть на перспективу потребность в конструктивном сопоставлении как «персонализированных» (как то: история персонального творчества, история интеллектуальных биографий), так и «идейно-концептуальных» (эволюция и трансляция проблемных и методологических парадигм) версий репрезентации развития киевской библеистики.

Таким образом, потребность в персональной идентификации значимых этапов развития побуждает нас отыскивать и определять наиболее существенное в кружеве индивидуальных интеллектуальных историй, выявляя тех, кто своим трудом обозначил эволюционные координаты киевской библеистики.

Соответственно в данной статье мы обратимся к весомейшим с этой точки зрения моментам творчества двух знаковых представителей киевской исагогической и экзегетической традиций — профессоров Степана Михайловича Сольского (1835 (по ст. ст. — 27.12.1834) — 1900) и Акима Алексеевича Олесницкого (1842-1907). Деятельность именно этих ученых-исследователей, богословов, преподавателей, как мы утверждаем, явилась определяющей для таких важных отраслей библеистики, как исагогика, историческая и текстуальная критика, библейская археология, библейская история, сравнительно-культурное и сравнительно-религиозное изучение Библии.

Основными направлениями профессиональной активности, посредством которых С.М. Сольский и А.А. Олесницкий наиболее полно проявились как исследователи Священного Писания, были преподавание и научно-богословские труды. Это, конечно же, определялось их статусом преподавателей православного высшего духовно-учебного заведения Российской империи. В связи с этим отметим, что доминирование апологетических и морально-дидактических задач и соответствующих мирозерцательных установок, методологических принципов и методических требований, обусловленное спецификой работы в высшей православной духовной школе, повлияло и на особенности теоретических интересов и акцентов в научно-богословском и публицистическом творчестве этих ученых.

Прежде всего, их деятельность имеет прямое отношение к формированию в Киевской духовной академии (далее КДА) основных проблемно-тематических направлений, обусловленных как традиционным дисциплинарным делением в библеистике, так и спецификой целей и задач православной духовной школы.

Одним из таких направлений была библейская исагогика. Вклад анализируемых авторов здесь был представлен обзорными статьями об основных разделах Священного Писания и отдельных библейских книгах⁴; трудами по истории библейских исследований⁵; а также публикациями по проблемам написания общих введений в Библию⁶. В этих текстах объективно происходило поистине драматическое сопоставление апологетической рефлексии. Это имело, как покажем далее, незаурядное научно-методологическое и учебно-дидактическое значение.

Второе проблемно-тематическое направление библейских исследований, в развитии которого активнейшее участие принимал А. А. Олесницкий (как одареннейший гебраист и археолог, преподаватель библейской археологии и древнееврейского языка в КДА) — это исследования библейской археологии, истории и культуры. Помним при этом, что, кроме традиционных внутренних потребностей православной экзегезы в обращении к историко-культурному контексту библейских сообщений, это направление было активизировано также и развитием исторической критики в европейской библеистике XIX — начала XX вв. Именно Олесницкому принадлежат труды по библейской археологии, посвященные актуальным событиям в развитии этой науки⁷; публикации, демонстрирующие собственный опыт приобщения к первичному археологическому материалу; собственные опыты историко-археологических и историко-культурных реконструкций (например, необычайно

⁴ См.: Сольский С. М. Из чтений по Ветхому Завету. Глава 1. История науки по Ветхому Завету и история происхождения Ветхозаветных книг // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 1870. Т. 3. №9. С. 589-640; Его же. Из чтений по Ветхому Завету. Глава 2. История собрания ветхозаветных книг в один священный кодекс, или история ветхозаветного канона // ТКДА. 1871. Т. 3. №7. С. 71-117; Его же. Из лекций по Новому Завету // ТКДА. 1877. Т. 3. №8. С. 234-284; 1878. Т. 1. №4. С. 98-127. Олесницкий А.А. Книга Песнь Песней (Шир га-Ширим) и ее новейшие критики // ТКДА. 1881. Т. 1. №4. С. 367-451; Т. 2. №5. С. 45-77; №7. С. 255-323; Т. 3. №12. С. 405-465; 1882. Т. 1. №1. С. 1-44; №3. С. 171-201; Т. 2. №6. С. 190-207; Т. 3. №9. С. 3-51 (окреме видання: К., 1882); Его же. Книга Притчей Соломоновых и ее новейшие критики // ТКДА. 1883. Т. 3. №11. С. 333-395; №12. С. 535-616 (окреме видання: К., 1884).

⁵ См.: Сольский С. М. Краткий очерк истории священной библиологии и экзегетики // ТКДА. 1866. №10. С. 157-190; №11. С. 305-342; №12. С. 466-506; Его же. Употребление и изучение Библии в России // Православное обозрение. 1868. Т. 27. №10 (октябрь). С. 145-180; №11 (ноябрь). С. 251-270; Его же. Обзорение трудов по изучению Библии в России с XV века до настоящего времени // Православное обозрение. 1869. Т. 1. №2. С. 190-221; №4. С. 538-577; №6. С. 797-822.

⁶ См.: Сольский С. М. Каков может быть состав научных введений в книги Св. Писания в настоящее время? // ТКДА. 1887. №3. С. 358-376.

⁷ См.: Олесницкий А.А. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей (с рисунками) // ТКДА. 1877. №10. С. 2-78; Его же. Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Р. Хр. (новый источник для библейской географии) // ТКДА. 1876. №3. С. 452-509; Его же. О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала Между Иерусалимом и Вифлеемом // ТКДА. 1878. №3. С. 637-657; Его же. Гробница Аарона на реке Ор // ТКДА. 1879. №3. С. 356-371.

детальный отчет об археологической экспедиции в Палестину или реконструкция ветхозаветного храма в Иерусалиме)⁸; исследования ветхозаветной истории в связи с историей Древнего Востока⁹; исследования библейской литературной и художественной формы, а также соответствующих видов древнего искусства¹⁰.

С предыдущим направлением, исследованиями ветхозаветной истории, было тесно связано изучение Библии в контексте иных культур — своеобразный зародыш религиозно-культурной компаративистики в стенах КДА. Усилия археологов и историков, направленные на изыскание материала для реконструкции историко-культурного контекста библейского повествования, всегда были органично включены в изучение Древнего Востока, связаны с нахождением связей, взаимодействий и взаимовлияний между древними культурами. Это создавало основания для лучшего понимания библейской культуры. Поскольку изучение ветхозаветной (древнееврейской) истории, религии и культуры тесно сочетались с одними из первых исследований талмудической традиции и иудаизма в целом¹¹, то можно утверждать о фактическом участии А.А. Олесницкого в зарождении в стенах КДА области наук, называемых ныне иудаикой.

Так же осязаемым оказался вклад А. А. Олесницкого в развитие такого направления, как библейская текстология, изучение библейских языков, развитие в КДА традиции перевода Священного Писания. Это дисциплины, с одной стороны, укорененные в традиционную исагогику и экзегезу, а с другой — на их развитие, начиная с середины XIX в., повлияли знаковые находки и публикации (в частности, библейских кодексов, среди которых — Синайский, опубликованный К. Тишендорфом). И тут особенно отметим труд А.А. Олесницкого, где с позиций исторической и текстуальной критики рассматривается древнееврейская биб-

⁸См.: Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. Часть первая. Иерусалим и его древние памятники (со многими рисунками в тексте) // ТКДА. 1875. № 2. С. 215-371; № 3. С. 481-569; № 4. С. 93-192; № 6. С. 511-587; № 7. С. 107-160; № 12. С. 275-350. Часть вторая. Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи (вне Иерусалима), Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и ливанской области // ТКДА. 1876. № 1. С. 50-111; № 5. С. 336-410; № 8. С. 249-276; № 10. С. 17-72; 1877. № 2. С. 335-379; № 3. С. 441-468; № 5. С. 262-300; № 12. С. 463-524; 1878. № 2. С. 249-298; № 4. С. 48-97; № 6. С. 427-501; № 9. С. 505-589; Его же. Судьбы древних памятников Св. Земли (Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской духовной академии 28-го сентября 1875 г. // ТКДА. 1875. № 11. С. 1-21; Его же. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб., 1889.

⁹См.: Олесницкий А.А. Государственная летопись царей иудейских, или книги забытые (Шрофтго^ш) // ТКДА. 1879. № 8. С. 393-479; № 12. С. 415-462; Его же. Государственная израильская летопись, или книга царей Херема // ТКДА. 1880. № 5. С. 3-83.

¹⁰Олесницкий А.А. Древнееврейская музыка и пение // ТКДА. 1871. № П. С. 107-161; № 12. С. 368-417; Его же. Ритм и метр ветхозаветной поэзии // ТКДА. 1872. № 10. С. 242-294; № 11. С. 403-472; № 12. С. 501-592.

¹¹Олесницкий А.А. Из талмудической мифологии // ТКДА. 1870. № 1. С. 149-209; № 2. С. 402-444; № 4. С. 201-244; № 8. С. 273-327.

лейская книжность¹². Значительных усилий именно в области текстологии, изучения библейских языков и исследования истории библейских переводов и изданий потребовала работа по подготовке Синодального перевода и усовершенствованию церковнославянской Библии, к которой была причастна и профессура КДА. И тут мы фиксируем привлечение к этой работе профессора Олесницкого¹³, а также анализ профессором С. М. Сольским духовных и культурно-политических обстоятельств формирования отечественной библейской книжности¹⁴.

Отдельно следует сказать о вкладе этих ученых в становление в КДА профессионального видения библиологии как учебной дисциплины, путей и способов академического, согласного с православной церковной традицией, изложения сведений о Библии. Это направление было прикладным и связано оно было и с библейской исагогикой, и с экзегезой, и с анализом библейской истории и культуры, и с преподаванием библейских языков. Задачи православных духовных школ усиливали потребность в поиске наилучших способов популярного и богословского изложения знаний о Библии.

В рамках этого тематического направления наиболее интересны публикации С.М. Сольского, где или осуществлялось осмысление учебно-дидактической организации библиологического материала (как то: в рецензиях на учебники), или описывался личный опыт преподавания. Так автор олицетворял киевскую библейскую науку именно со стороны способности к саморефлексии, к обобщению опыта, к поиску путей практической педагогической реализации богословского и научного потенциала¹⁵.

Отметим также важную роль А.А. Олесницкого и С.М. Сольского в формировании в КДА исследовательской «традиции», или же «школы»: кроме исполнения стандартных дидактических заданий, они активно участвовали в создании преемственности «учительство — ученичество», организуя исследовательскую работу студентов для

¹² См.: Олесницкий А.А. Тенденциозные корректуры иудейских книжников (соферимов) в чтении Ветхого Завета // ТКДА. 1879. № 5. С. 3-54.

¹³ Напр., переводы А.А. Олесницкого книг Эсфирь, Ивайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, публиковавшиеся в ТКДА в 1865-73 гг.

¹⁴ См.: Сольский С.М. Об участии императора Александра I в издании Библии на русском языке // ТКДА. 1878. № 1. С. 172-196; Его же. Острожская Библия в связи с целями и видами ея издателя // ТКДА. 1884. № 7. С. 293-320.

¹⁵ См.: Сольский С. С. [Рец. на:] Руководство к последовательному чтению учительных книг Ветхого Завета. К., 1871. Руководство к последовательному чтению пророческих книг Ветхого Завета. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. К., 1871 // ТКДА. 1871. № 8. С. 431-444; Его же. [Рец. на:] Руководственное пособие к пониманию Псалтыри. Свящ.Хр. Орда. К., 1882 // ТКДА. 1883. № 6. С. 366-368; Его же. [Рец. на:] Руководство к изъяснительному чтению Четвероевангелия и Деяний Апостольских А. Иванова. К., 1886. Учебное руководство к толковому чтению Четвероевангелия и книги Деяний Апостольских. Д. Боголепова. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. М., 1886 // ТКДА. 1886. № 12. С. 713-724.

их приобщения к европейской библейской науке¹⁶ и непосредственно руководя научной работой своих учеников¹⁷. В связи с этим заслуживают внимания опубликованные, хотя и специфическим образом, рецензии ученых на кандидатские и магистерские работы, в разные годы рассматривавшиеся на заседаниях Совета КДА и зафиксированные в его протоколах¹⁸.

Предлагая далее заглянуть в «творческую лабораторию» двух выдающихся представителей киевской духовно-академической культуры второй половины XIX — начала XX вв., обратимся к нескольким, по нашему мнению, доминантным темам интеллектуального творчества С.М. Сольского и А.А. Олесницкого, знаковым для развития отечественной библейской науки.

Доминирующими в научно-богословском и публицистическом творчестве О.М. Сольского как библеиста — по степени ангажированности автора, по интенсивности идейного и теоретического поиска и по степени оригинальности — были проблемы библейской исагогики. Сквозную линию тематической и идейной преемственности демонстрируют большие фрагменты его трудов «Краткий очерк истории священной библиологии и экзегетики», «Обозрение трудов по изучению Библии в России с XV века до настоящего времени», «Из чтений по Ветхому Завету. Глава 1. История науки по Ветхому Завету», фрагменты работы «Из лекций по Новому Завету», где Сольский предложил, обосновал и попытался реализовать собственную версию библиологического «Введения». Тут же важны его библиографические заметки, посвященные аналогичным опытам современников. Заглавным же трудом этого тематического направления и текстом, который представил и подытожил

¹⁶Под руководством А.А. Олесницкого студентами КДА был осуществлен и под его же редакцией опубликован перевод большого труда по библейской археологии и культуре: Руководство к библейской археологии. Часть первая. Богослужбные отношения израильтян. Карла Фридриха Кейля. / Пер. с нем. под ред. А.А. Олесницкого // ТКДА. 1871. № 12. С. 1-48; 1872. № 1, 3, 7, 9, 11, 12. С. 49-288; 1873. № 1-7, 9-12. С. 289-464; 1874. № 1-7. С. 465-592. Часть первая. Гражданственно-социальные отношения израильтян // ТКДА. 1874. № 9, 11. С. 1-32; 1875. № 2-4, 6-8, 10, 12. С. 33-208; 1876. № 2, 4-10, 12. С. 209-384.

¹⁷Так, в ТКДА именно под руководством и редакцией А.А. Олесницкого в свое время публиковались первые опысы его учеников, что фактически открыло для них путь к академическому труду: напр., Булатов С. Состояние иудейских ремесленников во времена земной жизни Иисуса Христа // ТКДА. 1883. № 8. С. 616-647; № 9. С. 83-109; Его же. Древнееврейские монеты // ТКДА. 1884. № 10. С. 223-247; № 11. С. 305-343; 1885. № 3. С. 384-412; № 6. С. 255-294; № 7. С. 420-434; № 8. С. 582-595; № 12. С. 601-656; Его же. Полицейское право у древних евреев // ТКДА. 1883. № 6. С. 320-355; Рыбинский В.П. Древнееврейская суббота // ТКДА. 1891. № 11. С. 398-434; № 12. С. 545-595; 1892. № 2. С. 230-273; № 3. С. 387-404; № 4. С. 546-587; № 6. С. 304-342; № 9. С. 116-141.

¹⁸См., напр., рецензии С.М. Сольского в: Протокол заседания Совета КДА от 11 июня 1882 г. // ТКДА. 1882. Т. 3. Приложения. С. 217-219; Протокол заседания Совета КДА от 9 июня 1883 г. // ТКДА. 1883. Т. 3. Приложения. С. 245-247; Протокол заседания Совета КДА от 12 июня 1893 г. // ТКДА. 1893. Т. 3. Приложения. С. 227-228.

идейную и концептуальную эволюцию автора, стала одна из поздних работ С.М. Сольского — «Каков может быть состав научных введений в книги Священного Писания в настоящее время?» (1887).

Заинтересованность С. М. Сольского данной темой ярко отображала специфику идейно-интеллектуального контекста и социального статуса ученого — академического богослова, профессионала, качественно информированного о европейских книжных источниках по специальности, как старых, так и современных ему. Сольский в полной мере осознавал важность конституирования православной библейской науки как систематизированной отрасли знания и учебной дисциплины. Проблема изложения знаний о Библии тесно связывалась с заданиями церковной богословской дидактики. Потому теоретические интересы библеиста и расставленные им акценты в раскрытии этой темы определялись доминированием апологетических и морально-дидактических задач. В то же время поиск путей улучшения преподавания библиологии на православных основаниях происходил с учетом возможного взаимодействия с целым рядом западноевропейских¹⁹ библеистических школ и традиций. Как именно это происходило? Анализ основных идей С. М. Сольского по этой теме позволяет утверждать следующее.

Как существенный недостаток современной ему отечественной библиологической литературы С. М. Сольский отмечал отсутствие научного пособия, которое бы излагало в целостном систематическом виде сведения, касающиеся внешней стороны библейских книг и их внутреннего содержания. Существовавшие же на то время пособия демонстрировали либо чересчур популярное изложение общеизвестных сведений о библейских книгах без их научно-критической проверки, либо механическое изложение содержания этих книг, без раскрытия внутренней связи, единства мысли и цели разных их частей и разделов. Таким образом, исследуя историю библейской сагогики и экзегетики, сам преподавая сведения о книгах Священного Писания, ученый осознавал необходимость осуществить попытку создания такого систематического и одновременно научно-критического введения в библейские книги.

Первейшим методологическим требованием С.М. Сольского стало возвращение церковного Предания в библейскую науку в качестве исторического источника; понимание исторической критики Библии именно как орудия апологетического обоснования свидетельств церковной традиции. Таким образом, принципом, объединяющим сведения о библейской письменности, должен быть принцип не только исторический, но историко-догматический. В этом духе исследователь и предлагал выстраивать библиологические введения.

¹⁹ У Сольского — преимущественно немецких, о чем свидетельствует анализ цитации в его работах.

Это было не только проявлением верности православной ортодоксии, но и актуальным в то время ответом на известную рационалистическую трансформацию европейской библеистики, вследствие которой библейские писания были рассмотрены как исторические и литературные памятники, с соответствующим применением историко-критического и историко-литературного методов. В результате наука о библейских книгах стала исторической, библиологические введения теряли свой богословский характер.

В то же время позиция О. М. Сольского стала значимой для целого этапа в развитии православной библеистики второй половины XIX столетия. Ученый стал одним из тех в своем кругу и поколении, кто в своих трудах покончил с тенденцией замалчивания данных западной, в том числе «негативной» критики. Поэтому в целом апологетическая позиция исследователя являла собой и зачатки позитивной в научном отношении программы, которая в будущем привела к восприятию православной библеистикой принципов «новой исагогики».

Формулируя свои взгляды на структуру библиологического введения, Сольский критически переосмысливал западный опыт в этой области (в частности, введений Г. Герике, Эд. Рейса, К. Кейля, даже представителя «негативной критики» Де-Ветте). Он предлагал разнообразные сведения о библейских книгах обязательно соединять с раскрытием их внутреннего содержания и ответами на возникающие религиозно-догматические вопросы. Именно апология «священного достоинства» библейских книг, основанного на внешних и внутренних доказательствах их богодухновенности, защита их от отрицательных положений рационалистической критики стала главным в предложенных православным библеистом исагогических пособиях²⁰.

Следующие несколько сюжетов коснутся творчества А. А. Олесницкого, *помогая уяснению и реконструкции* его персонального вклада в формирование идейных принципов и герменевтических программ, определявших развитие библеистики в КДА конца XIX — начала XX вв.

Вначале речь пойдет о ряде принципов и правил, провозглашенных и реализованных Олесницким в 1876-77 гг., во время подготовки так называемых «Правил для составления объяснительных примечаний к русскому тексту Библии»²¹. Как и исагогические введения для С. М. Сольского, для А. А. Олесницкого изложение популярных све-

²⁰ Подр. см.: Головащенко С. І. Про деякі аспекти бібліологічної спадщини С. М. Сольського: біблійна ісагогіка // Київська академія. Вип. 4. К., 2007. С. 95-109.

²¹ См.: «Правила для руководства при предполагаемом составлении в Киевской духовной академии объяснительных примечаний к русскому тексту Библии (учительных книг), составленные, по поручению Совета Академии, экстраординарным профессором Ак. Олесницким» // Протоколы заседаний Совета Киевской духовной академии за 1876/77 уч. год // ТКДА. 1877. Т.3. Прил.С.231-237.

дений о Писании, согласованных с православной церковной традицией, было актуальной задачей. Основания для написания «Правил» появились вместе с созданием Синодального перевода Священного Писания. Перевод этот оказался внутренне противоречивым — как в заложенных в его основу принципах и полученных результатах, так и в идейных обстоятельствах, сопровождавших его появление и вхождение в тогдашнюю церковную и культурную жизнь.

Критерии и правила для составления объяснительных примечаний к этому переводу — это важно подчеркнуть — были сформулированы А. А. Олесницким на основании определенной исагогической и герменевтической программы. Такая программа, во-первых, была результатом мирозерцательной и интеллектуальной эволюции самого Олесницкого как гебраиста и библейского археолога, талантливого исследователя и преподавателя. Причем в своей позиции Олесницкий обнаруживал (как и О. М. Сольский в проанализированном выше сюжете) противоречивое взаимодействие качеств критически ориентированного ученого-исследователя, с одной стороны, и апологетически ангажированного преподавателя православного духовного заведения, с другой стороны.

Далее, эта программа стала проявлением сложной духовно-интеллектуальной эволюции киевской (возможно, и шире — всероссийской) духовно-академической среды, развивавшейся во второй половине XIX — начале XX вв. на фоне взаимодействия внешних и внутренних тенденций. Так, полемика с инославными, либеральными и рационалистическими течениями в тогдашней западной библеистике; палеографические и текстологические достижения западных исследователей; мощное развитие текстуальной критики, критики источников и литературной формы; практика критических изданий Библии — все это объективно определяло необходимость критической рецепции принципов, подходов и результатов в разных областях западной библейской науки. Православная традиция двигалась вперед путем постепенного усвоения историко-критических методов, утверждения возможности и необходимости учета филологических, историко-культурных, психологических, духовных измерений библейского текста, единства текста и контекста. Библейская критика (не только традиционная — текстуальная, но и филологическая, и историческая), а также историко-контекстуальный анализ рассматривались в качестве предпосылок экзегезы.

Исходя из таких обстоятельств и стоит оценивать «Правила» А. А. Олесницкого: как феномен, отражавший не только индивидуальные взгляды автора, но и обретший всеобщее значение как отражение корпоративной позиции, принимая во внимание одобрительную оценку этого документа специалистами — профессорами КДА.

В методологическом отношении «Правила» Олесницкого интересны тем, что они стали опытом разрешения текстологической и герменевтической коллизии, связанной с появлением синодального перевода, рожденного на текстуальном «перекрестке» текстов масоретского, Септуагинты, частично Вульгаты, церковнославянского. Речь шла именно о поисках путей популярного изъяснения трудных мест русского перевода, когда приходилось идти от простого пояснения («перевода или перифраза») к уточнению и пояснению смысла «мест сомнительных» с сопоставлением разных текстуальных традиций, с применением историко-текстологического и историко-критического анализа.

Большинство правил, предложенных А. А. Олесницким, апеллировали к историческому, географическому, культурному контексту при пояснении тех или иных библейских сообщений, переданных посредством синодального текста. Тут автор органично проявился как библеист-профессионал, основной сферой научных интересов которого, кроме древнееврейского языка и литературы, библейской текстологии и литературной критики, была ветхозаветная история, география, религиозная и гражданская жизнь, культура повседневности, спроектированные на современность через призму библейской археологии.

Наконец, интересной оказалась идейная перспектива данного труда А.А. Олесницкого: в структуре созданной намного позже «Толковой Библии Лопухина» наблюдаем практическое осуществление принципов и правил, прописанных в 1877 г. Олесницким²².

Еще один сюжет творческой истории А.А. Олесницкого касается достаточно экзотического применения историко-критического подхода в специфическом контексте и к специфическому предмету. Речь идет о работе «Из талмудической мифологии» (1870). Это было, возможно, первое в отечественной науке и богословии глубокое систематическое исследование талмудической культуры, содержащее, кроме критико-апологетического пафоса, еще и своеобразную методологию и, если угодно, своеобразную идеологию.

О методологии. В самом названии работы содержится аллюзия на категориальный аппарат немецкой критики, в том числе представителей так называемой «мифологической школы». И тут, именно при выборе методологии и системы оценивания, сыграл, по нашему мнению, важную роль конфессиональный, идеологический посыл. А именно: официально осуждая позиции так называемых «негативных» критиков-«мифологи-

²² Подр. см.: Головащенко С. І. «Правила для руководства при составлении объяснительных примечаний к русскому тексту Библии» Я.О. Олесницького: передісторія російської тлумачної Біблії // Наукові записки НаУКМА. Т. 50. Філософія та релігієзнавство. К., 2006. С. 56-63; Его же. Предыстория русской толковой Библии в Киевской духовной академии («Правила для руководства при составлении объяснительных примечаний к русскому тексту Библии» А.А. Олесницкого) // ТКДА. № 12. К., 2010. С. 79-92.

стов», отрицавших традиционные представления о Христе, о Писании, об истории христианства, православные богословы порой становились довольно лояльными к критическому пафосу, методам и инструментарию — когда речь заходила о возможности критически рассмотреть «чужую» традицию (в данном случае — иудаистическую). Как это проявилось в тексте киевского автора, посвященном талмудической мифологии?

Используя первоисточники (талмудические трактаты на языке оригинала), Олесницкий проанализировал талмудическую письменность через призму одного из первых в отечественной науке сравнительно-религиоведческих исследований. Методологическая и идейная составляющие компаративистики Олесницкого действительно могут оцениваться критически, это ясно из сказанного выше. Но то, что «еврейский миф» стал предметом систематического критического анализа, представляет собой незаурядную ценность. Также ценным является привлечение исследователем разнообразного материала из греко-римской, египетской, иранской, индийской мифологии, из неоплатонизма, христианского фольклора для анализа тех трансформаций, которые, по утверждению Олесницкого, претерпели традиционные библейские образы и сюжеты, а также факты и события реальной истории еврейского народа как в новозаветное время, так и в эпоху раннего средневековья²³.

И тут мы приближаемся к еще одному пункту методологии А. А. Олесницкого. Это намек на возможность (а иногда и попытка эту возможность реализовать) «демифологизации» исследуемого текста — прежде всего, за счет включения исторического и культурного контекста в процесс прочтения и интерпретации талмудических сюжетов. Так, Олесницкий стремится показать два слоя, два уровня интерпретации агадического талмудического мифа. Один происходит от библейского материала, который под влиянием тех или иных мифологий, философских или фольклорных традиций получил внебиблейскую интерпретацию. И тут автор, как профессиональный библеист, становится весьма суровым в оценках адекватности тех пояснений Писания, которыми обосновываются те или иные талмудические идеи, образы, сюжеты. Другой же уровень происходит от исторической критики Библии, где путь демифологизации религиозного текста и был, собственно, апробирован. Отсылая читателя к историческим реалиям в процессе разъяснения мифологических сюжетов и образов из талмудических трактатов, Олесницкий довольно прозрачно намекает на возможность и необходимость их демифологизации²⁴.

Так мы видим формирование достаточно парадоксальной, но, несомненно, интересной и эвристически плодотворной ситуации: «еврейский миф», не ангажируя идейно, конфессионально, политически своих

²³ См.: Олесницкий А. А. Из талмудической мифологии // ТКДА. 1870. № 1. С. 157-158.

²⁴ См., напр.: Там же. № 8. С. 290-295.

исследователей из среды православных богословов, впервые становится предметом научного, сравнительно-мифологического, историко-критического анализа, объектом приложения методов, в нововременной Европе первично отработывавшихся именно на библейском и историко-церковном материале²⁵.

Наконец, чрезвычайно поучительным будет обращение к тому этапу научной активности А.А. Олесницкого как библейского археолога, когда формировался и прояснялся его личный методологический базис. А вместе с тем — и теоретический базис отечественной библейской археологии как науки. Наиболее драматическим моментом этого процесса была встреча традиционной православной библиологии с западноевропейской рационалистической критикой, активно пользовавшейся приемами новоевропейской науки. В случае же с библейской археологией, профессионально близкой для Олесницкого, эта ситуация сопоставления разных позиций и путей развития порождала не менее критический конфликт между перспективой эволюции библейской археологии как церковно-апологетической дисциплины (граничащей с церковной археологией) и возможностями ее развития как дисциплины научно-исторической.

Поэтому здесь мы обратим внимание на тексты, в которых ученый прямо высказывал и опосредованно реализовывал определенные методологические принципы и критерии одного из важных компонентов научной библеистики в целом и научной библейской археологии в частности — определения и оценки аутентичности археологических находок, потенциально претендующих на роль артефактов библейской истории.

Один из этих текстов прямо касается определения аутентичности памятников библейской и в целом древней истории²⁶, а второй поднимает проблему представления, обоснования и интерпретации исторических свидетельств в процессе выдвижения и доказательства научных гипотез²⁷. А.А. Олесницкий в этих работах формулирует или опосредованно реализует ряд методологических принципов и требований в качестве необходимых критериев научности исследования.

Говоря об общих методах представления археологических данных и доказательствах исторической достоверности артефактов, Олесницкий отмечает необходимость: а) исследовать обстоятельства открытия

²⁵ Подр. см.: С И . Головащенко. Талмудическая мифология в свете библейской критики: А.А. Олесницкий (Из истории библеистики и иудаики в Киевской духовной академии XIX — начала XX в.) // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. Библейские исследования. Еврейская Мысль. М., 2009. С. 196-203.

²⁶ Олесницкий А. А. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей (с рисунками) // ТКДА. 1877. Т. 3. № 10. С. 2-78.

²⁷ Олесницкий А. А. О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала Между Иерусалимом и Вифлеемом // ТКДА. 1878. Т. 1. №3. С. 637-657.

памятников и обосновывать действительность таких открытий; б) исследовать памятники на предмет аутентичности со стороны исторической, археологической и палеографической (сам автор подал пример такого анализа). При этом Олесницкий выдвигает достаточно открытый и гибкий «критерий достаточности» для включения того или иного открытия в научный обиход: открытия, как бы странно они не выглядели, должны быть приняты, если не будет доказана их поддельность. Однако этот критерий должен работать во взаимодействии с критерием оправданного научного сомнения, которое исключает предвзятость в оценке данных. Для этого научное сомнение усиливается анализом логической и фактической возможности; вообще А.А. Олесницкий принимает оправданное применение логических методов, как-то анализ, индукция и дедукция, метод аналогий. Интересным является также указание исследователя на необходимость учитывать культурно-антропологический и психологический факторы при сборе и обработке археологической информации. Это отражало типичную для археологических исследований ситуацию встречи культурных и цивилизационных миров не только в диахроническом, но и в синхроническом аспектах. Целый ряд методологических требований Олесницкого также носят общеметодологический характер. Например, требование фактологического обоснования основоположных утверждений той или иной гипотезы, вообще требование фактологического подтверждения теоретических положений.

Требования и критерии, которые должны прилагаться к исследованию конкретных фактов в области библейской археологии и археологии древнего мира и которые можно было бы отнести к специальным, формулируются А. А. Олесницким в тесной связи с конкретными познавательными ситуациями, анализированными в указанных работах. Среди таких требований: подробный анализ «специальных археологических признаков»; определение соответствия признаков артефактов свидетельствам древних источников, в которых зафиксированы конкретные типы культурной и религиозной идентичности (например, религиозная символика, зафиксированная в библейских текстах); тщательное тестирование содержания и символики артефактов на соответствие их культурно-религиозному контексту, идеям и символам, зафиксированным в древних источниках; требование полноты и репрезентативности свидетельств и ссылок на такие источники (как-то на Библию). Все это рассматривалось исследователем в качестве залога корректного обоснования тех или иных оценочных утверждений относительно смысла и символики найденных артефактов. В связи с этим важным представляется тест на наличие символических аналогий в древних памятниках разных культур. При проведении такого теста и при истолковании возможных аналогий уместным будет применение сравнительно-мифологического

анализа. В конкретном случае специальных (например, палеографических) исследований важность требования учитывать инокультурные влияния значительно возрастает. Также А.А. Олесницкий утверждает необходимость определять как типичное, так и особенное при идентификации находок: как соответствие предыдущим типичным находкам в разных местах данного региона, так и специфические признаки формы и стиля, проявляющиеся при сопоставлении с древними и современными произведениями (что особенно важно в случае с вероятными подделками). Заслуживает внимания пример применения статистического анализа палеографических данных с целью определения степени достоверности или языковой аутентичности текста надписи («степени его родства языку»). Наконец, важным герменевтическим принципом является требование учета культурно-психологических особенностей восприятия и оценки идей и символов древней культуры представителями нынешней эпохи (в случае анализированных Олесницким археологических сюжетов это была «викторианская» Европа).

Обратим внимание также на интересную, скажем так, «герменевтику археологической реконструкции», которую разворачивает Олесницкий, анализируя один из довольно рядовых сюжетов тогдашней археологии Палестины. Интерес этой «герменевтики» хотя бы в том, что она была сформулирована с позиций личного исследовательского опыта нескольких научных экспедиций в Святую Землю, опыта, соответствующим образом описанного. Что методологически полезного видим в замечаниях ученого? Прежде всего: критическое отрицание спекулятивности в утверждениях, претендующих на научность (Олесницкий иронично пишет о «пытливом и чистом взгляде исследователя»); критику пояснений и толкований, пренебрегающих фактическими деталями или осуществляющимися вне культурного и религиозного контекста; требование фактологического доказательства, избегания фактических неточностей, бездоказательных и недоказанных утверждений, даже когда они наряжены в благочестивые одежды; отрицание интерпретаций, основанных на смешивании образа и прообраза, причины и следствия, на произвольных ономастических и этимологических ассоциациях; отрицание некритического использования легенд и сказаний для пояснений, претендующих на научность и историчность; отрицание произвольного пересказа и перетолковывания библейского текста; критику карикатурно-искаженного применения сравнительно-мифологического метода; критику произвольной дедукции и смещения возможности и действительности, модальности с реальным существованием; наконец, критику эклектики и отсутствия последовательности в оперировании фактами. Ученый демонстрирует принципиальную критичность и одновременно принципиальную открытость новым данным, принципиальный отказ от вся-

кого «заключительного слова», принципиальную готовность к появлению новых обстоятельств, способных по-новому осветить предыдущие факты²⁸.

* * *

Сделанное С.М. Сольским и А.А. Олесницким вместе с их статусом в КДА второй половины XIX — начала XX вв. дает возможность говорить о том, что они представляли «базовое», «становое» поколение киевских библеистов этого периода, сыграв ведущую роль не только в формировании исследовательского дискурса, но и став ключевыми фигурами в системе «учительства-ученичества» — в становлении здесь механизма трансляции исследовательского опыта.

Своим научно-богословским и педагогическим творчеством С.М. Сольский и А.А. Олесницкий олицетворяли важный этап в развитии отечественной духовно-академической библеистики. Их научная деятельность стала своего рода индикатором вовлечения киевской библейской науки в пространство как всероссийской, так и мировой научной и богословской мысли. Их деятельность продемонстрировала всю возможную на то время меру восприятия актуальной в мире библиологической проблематики; динамику и направленность реагирования на методологические и идейные вызовы, а также оказалась в состоянии быть индикатором вектора и степени рецепции киевской библеистикой тех или иных исследовательских и герменевтических моделей.

Активная деятельность С.М. Сольского и А.А. Олесницкого проходила в то «осевое время», когда более чем на столетие вперед закладывалась проблематика мировой библеистики, формулировались основные вопросы этой области знания, выделялись и конкурировали между собой разные теоретические позиции, школы и течения. Для православной библеистики это было время первых опытов сопоставления верности собственной догматической и культурной традиции с потребностью вхождения в европейское и мировое интеллектуальное пространство, следствием чего должна была стать институционализация структурированной и полнофункциональной области исследований, способной развиваться и в богословском, и в научно-критическом аспектах. Поэтому опыт, реализованный в стенах Киевской духовной академии двумя её выдающимися представителями второй половины XIX столетия, остается и ныне актуальным.

²⁸ Подр. см.: Головащенко С.И. До питання про становлення в Київській духовній академії біблійної археології як науки: досвід Я. О. Олесницького // Київська академія. Вий. 5. К., 2008. С. 73-80.